

УДК 316.423.3:316.323.5

© Волобуев О.В.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ТРАКТОВКЕ Н.А. РОЖКОВА

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Н.А. Рожкова на процесс феодализации в России, Западной Европе и других странах, который в его историко-социологической концепции именуется феодальной революцией и предстает как самостоятельный период всемирной истории. Модель феодальной революции впервые анализируется с позиций ее научной обоснованности и возможности применения сравнительно-исторического метода для обобщений в глобальном масштабе.

Ключевые слова: историография, всемирная история, периодизация, феодальная революция, сравнительно-исторический метод.

© O. Volobuev

FEUDAL REVOLUTION IN N.A. ROZHKOVA'S TREATMENT

Abstract. In article N.A. Rozhkov's points of view at feudalization process in Russia, the Western Europe and other countries which in its historical-sociological concept is called as feudal revolution are considered and appears as the independent period of the history of the world. At the first time the model of feudal revolution is analyzed from positions of its scientific validity and possibility of application of a comparative-historical method for generalisations on a global scale.

Key words: a historiography, a world history, a periodization, feudal revolution, a comparative-historical method.

Трудно точно определить, когда у Н.А. Рожкова сложилось представление о той периодизации всемирной истории с ее делением на критические и органические периоды, которая в 1918 г. была представлена во введении к первому тому «Русской истории в сравнительно-историческом освещении». В вышедших в 1907 г. кратких очерках социологии «Основные законы общественных явлений» Рожков еще обосновывает наличие всего четырех периодов всемирно-исторического развития. Исходным критерием для такой периодизации является относительное значение отраслей хозяйственной деятельности при доминировании натурального или денежного хозяйства. Уточнение концепции социальной динамики, т. е., по определению Рожкова, науки о законах общественной жизни в ее движении или развитии [5, 9], произошло в годы сибирской ссылки. В 1913 г. вышла его статья «Дворянская революция в России XVII века» [3], – и в том же году в предисловии к третьему изданию «Города и деревни в русской истории» впервые появляются заимствованные им у А. Сен-Симона понятия органических и критических эпох, под углом зрения которых он пересматривает свою периодизацию процесса исторического развития человечества. Фиксированно с 1913 г. и можно вести отсчет становления окончательного варианта периодизации мировой истории.

Идея критических периодов в развитии человечества, как и попытка выработки общей периодизации истории, связаны с революционными процессами в обществе. Периодизации Кондорсе, Сен-Симона, Конта были порождены Великой Французской революцией, марксистская модель социально-экономических формаций явилась следствием осмысления не только экономической дифференциации и социальных противоречий европейского общества, но и опытом революций. Не случайно историографическим явлением стали и поиски новой периодизации всемирно-исторического процесса, предпри-

нятые уже в России конца 1980 – начала 1990 гг. Они шли в двух направлениях: первом – по линии увеличения количества стадий общественного развития и втором – по пути сокращения числа докапиталистических общественно-экономических формаций [1; 2]. Определенные совпадения, ассоциации, возникающие при сравнении моделей всемирной истории востоковеда И.М. Дьяконова и Н.А. Рожкова, свидетельствуют о непреходящей актуальности проблемы периодизации в связи с нерешенностью ряда вопросов стадияльного развития общества.

Если понятия «социальная статика» и «социальная динамика» были заимствованы Рожковым у О. Конта, то представление о чередовании «критических» и «органических» эпох пришло от Сен-Симона¹. Возникает важный для историографических исследований вопрос о том, обязательно ли заимствование тех или иных идей ведет к эклектике. Границей, отделяющей эклектические построения от новых теоретических моделей, является характер использования этих идей. Если заимствования становятся органической частью иной теоретической конструкции, оригинальной доктрины, то их роль меняется: они вписываются в другое содержание, – и это уже не имеет отношения к эклектике. Дальнейшее изложение в данной статье вопроса о критических эпохах подтверждает, на наш взгляд, оригинальность концепции социальной динамики Рожкова, которая только терминологически, а не сущностно связана с воззрениями Конта и Сен-Симона.

Периодизация Рожкова отразила размышления историка над местом революций в контексте мирового общественного развития. И это отразилось на определении критического периода, каковой трактуется им следующим образом: «Критическая эпоха – это перелом, это кризис. Конечно, перелом это тоже эволюция, развитие тех же органических перемен, только с головокружительной быстротой. Вследствие такой быстроты и получается перелом в процессе развития, известный скачок» [4, 53].

Одна и та же стадия общественного развития в разных странах и регионах в периодизации Рожкова чаще всего не совпадает хронологически. Стадияльность преимущественно асинхронна. В современной историографии это фиксируется при изучении комплекса типовых явлений общественной жизни и их стадияльной, но не временной и географической близости. И.Я. Фроянов сравнивает на основе стадияльной близости социально-политические процессы (полисные модели) в истории Древней Руси, Шумера и гомеровской Греции [8]. В коллективном исследовании по истории полюдя сравниваются разновременные комплексы этого типа в странах Древнего мира и Средневековой Европы, Африки и Тихоокеанского региона [7]. Провести аналогии между типовым общественным явлением и его региональной хронологией по-иному невозможно, в силу неравномерности исторического развития стран и народов.

В данной работе избранная историографическая проблема рассматривается на материале одного из критических периодов, выделяемых Н.А. Рожковым в «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», а именно – феодальной революции. Этого, в главном, достаточно, чтобы дать представление о методологии историка. Основное содержание феодальной революции, по Рожкову, заключается в переходе от состояния варварства, под которым подразумевается родоплеменное общество, к развитому феодальному обществу. Этот качественный скачок не сопровождается бурными потрясени-

¹ Сен-Симон обосновывал деление европейской истории на два цикла и четыре эпохи: органический и критический (кризисный, переходный) периоды и снова органический и критический периоды. Эта идея о чередовании органических (созидательных) и критических (революционных) периодов была развита С.-А. Базаром, учеником Сен-Симона. См.: Базар С.-А. Изложение учения Сен-Симона / под ред. и с коммент. Э.А. Желубовской, вступит. ст. В.П. Волгина. – М – Л., 1947. 2. Вспомним три источника марксизма: английскую политэкономия, немецкую философию, французский утопический социализм.

ями, как последующий критический период – дворянской революции. Поэтому именно на анализе модели «феодальной революции» четче выявляется, что вкладывал Рожков в понятие «революционный период» и что существенно отличало его взгляды от марксистской историографической традиции.

В главе, посвященной феодальной революции, которая занимает две трети объема первого тома «Русской истории в сравнительно-историческом освещении», наибольшее внимание уделяется процессу феодализации в России. Прежде всего, на материале России Рожков формулирует свои выводы и обосновывает наличие такого критического периода в развитии общества, как феодальная революция. Освещение этого периода в истории России, в отличие от изложения истории других стран, основывается не только на знании Рожковым научной литературы, но и на глубоком анализе исторических источников (летописи, «Русская Правда» и т. д.).

Период феодальной революции в истории России охватывает время с X по конец XII в. Причины всех общественных изменений он обнаруживает в экономике. В хозяйстве восточных славян к XII в. на первый план выдвигается земледелие, хотя промыслы (охота, рыболовство, бортничество) и скотоводство, характерные для периода варварства, продолжали играть важную роль в продовольственном обеспечении общества. Господствует натуральное хозяйство. Торги, как правило, были местного значения, даже в таких городах, как Киев, Курск, Новгород. По большим торговым дорогам товар свозили в приречные города только в целях внешней торговли с Византией и Западом. Монетные единицы были не чеканными, а весовыми. Быстрое увеличение удельного веса земледелия Рожков квалифицирует как «экономическую революцию», которая повлекла за собой перемены в обществе и государстве [6, 157]. К переменам в формах землевладения Рожков относит появление полной земельной собственности, а именно княжеское землевладение, «села боярские», церковное и монастырское землевладение. Новым формам землевладения соответствовали и новые формы ведения хозяйства: использование труда несвободного, рабского, холопского и полусвободного, закупнического. Что касается заупов, то личные и имущественные права их ограждались юридически, но они являлись лицами с ограниченной правоспособностью. Ни заупов, ни холопов Рожков не считает сословиями. Известный по древнерусским источникам термин «огнищанин», Рожковым, вслед за Ключевским, объясняется как рабовладелец. Верхи общества стали эксплуататорами несвободного и полусвободного земледельческого труда. Все свободное население, включая людей градских, Рожков причисляет к смердам и развернуто аргументирует свою точку зрения. Смердом, полагает он, назывался всякий свободный в противоположность, с одной стороны, несвободным и полусвободным, а с другой, – княжеской дружине и духовенству [6, 166]. Но личность как субъект гражданского права в имущественных отношениях не выделилась из семьи, только в «боярском классе» личность, и то в XII в., успела приобрести имущественные права. Главными обязанностями смердов были военная служба и дань князю. В соответствии со своими представлениями о классах как об имущественных социальных группах и о сословиях как правовых социальных группах, Рожков утверждал, что в период феодальной революции складываются лишь зародыши сословного строя, поскольку отсутствуют групповые привилегии и юридические преграды для перехода смердов из одной социальной группы в другую. По его мнению, «существовали лишь экономические классы – и то в сущности неразвитые и слабо сплоченные, – но не было юридических сословий» [6, 180].

В системе государственного управления Рожков выделяет три института (политические силы): вече, княжескую власть, боярскую думу. В первую очередь его интересует судьба вече. Именно уменьшение влияния этого государственного института характерно для переходного периода. Заключение Рожкова по вопросу о роли вече таково: его участие

в делах верховного управления было непостоянным и неопределенным по кругу выносимых на него вопросов («на половцев», «на татар», «на бояр», «на мир» между князьями и др.); вече вмешивалось в княжеские дела в исключительных, экстренных случаях. Очень тщательно исследуется порядок княжеского владения (наследования). Рожков высказывается за теорию «лестничного права» в занятии княжеских столов (киевского и других), но оговаривает исключения (нарушения порядка): «добывание» столов князьями, наличие договора или ряда вопреки старшинству, выделение князей-изгоев, внедрение принципа «отчины» («борьба начал отчины и старшинства»), выбор и изгнание князей на вече. Отсутствие юридических оснований для распределения княжеских столов приводило к неопределенности и неустойчивости порядка княжеского владения и межкняжеских отношений. Рожков разбирает разные стороны деятельности князей: судебную, законодательную, административную, налоговую, внешнеполитическую. Наибольшее внимание князья уделяют финансовым делам: сбору налогов и судебных штрафов. Общий вывод историка: в деятельности князей не обнаруживается строгих правил, господствует такая же неопределенность, как и в порядке занятия княжеских столов. Собственно, к подобным выводам он приходит и в оценке боярской думы. По мнению Рожкова, хотя и «не было сферы деятельности князя, в которой не принимала бы того или иного участия дума», «князь советовался не только с теми, с кем хотел, но также и по тем делам, по каким ему было угодно» [6, 201]. Любой вопрос мог решаться и без участия боярской думы. Дума была органом совещательным и не имеющим постоянного состава и определенных обязанностей. Политически верховными органами, полагал Рожков, являлись только князь и вече. Местное управление базировалось на областном делении. Основной административной единицей являлся город с его волостью, или «землей». Управлял городом назначаемый князем посадник. С XII в. князья назначали и тысяцких, которые, по словам летописи, «держали воеводство», т. е. возглавляли городское ополчение. Как определяет Рожков, «в руках князя сходились все нити власти» [6, 211]. В политическом устройстве главенствовало личностное начало: «власть принадлежала отдельным лицам над такими же отдельными лицами» [6, 216]. Неорганизованность политического строя Рожков выводил из слабой расчлененности общества, отсутствия в нем организованных общественных сил. Некому было противостоять произволу княжеской власти. Иногда это удавалось вече, иногда бояре убирали нелюбых князей. Но в целом это ничего не меняло.

Ключевыми моментами реформирования восточнославянского общества князьями Рожков считает принятие христианства и появление «Русской правды». Значение религиозной реформы он усматривает в том, что «христианство было более организующим, общественным и нравственным средством, чем язычество» [6, 229]. Распространение христианства не было одномоментным актом, оно свершилось усилиями нескольких поколений. Так, в земле вятичей христианство утвердилось только в середине XII в. На протяжении всего времени феодальной революции на Руси сохранялось двоеверие. Рожков, как Попов, Сергеевич, Гец и Максимейко, считал «Русскую Правду» частным юридическим сборником, а не официальным законодательным актом. Вслед за В.О. Ключевским, он полагал, что этот сборник составлен духовными лицами. Но значение «Русской Правды» вне зависимости от того, каковым считать ее происхождение, в том, что она искореняла родовые традиции (кровную месть и др.) и заменяла их княжеским, т. е. государственным правом.

Период феодальной революции в Литве Рожков определяет временем с середины XIII в., с создания государства при Миндовге, по 1430 г., год смерти Витовта. По сравнению с Россией в Литве более запоздалое развитие. И это подчеркивается разделением процесса феодализации на собственно литовских и русских землях. Так, первые города на земле ятвягов были основаны волынскими князьями, а русские земли, вошедшие в состав

Литовского государства, имели уже развитые феодальные отношения. В отборе материала, возможно поэтому, акцент делается не на экономической истории, а на политической. Однако следует обратить внимание на некоторые соображения историка, имеющие общезначимый характер. К их числу относятся высказывания о том, что «переход к земледелию породил иное отношение к земле, выдвинув на первый план личное усилие, личную энергию и труд, сделав семью более оседлой и упрочившей свое отношение к земле...», и что «господство земледелия призывало человека к определенному участку, воспитывало инстинкт собственности» [6, 273-274]. Что касается государственного устройства Литовско-Русского княжества в этот переходный период, то Рожков много внимания уделяет раде, состав и компетенция которой, как и боярской думы, не отличались определенностью. Но круг лиц, с которыми по своему усмотрению советовался князь, был очерчен обычаем. Не проводя прямых аналогий с боярской думой, историк, характеризуя литовскую раду, имеет в виду эти аналогии, когда ведет речь об ограниченности влияния рады на государственные решения (распоряжение недвижимостью, судебные и финансовые дела). Литовскому княжеству, как и русской государственности, были присущи общие черты социального и политического устройства. К ним можно отнести разделение на земскую и «дворную» сферы управления. Существовали хоружий дворный, державший знамя, под которое собирались господарские дворяне, и хоружий земский, распоряжавшийся остальной военной силой, маршалки земский и дворный, ведавшие государственными и придворными церемониями. И все же, в конечном счете, великому князю как собственнику принадлежало все достоинство государства, все его доходы (казна – господарский скарб). Таким образом, «идея об общем благе, как цели государственного союза, была слаба и подавлялась представлением о личной выгоде правителя» [6, 278].

С Русью и Литвой по типу процесса феодализации (стадиальная незавершенность становления феодализма) Рожков сближает Болгарию и Сербию, хотя справочная краткость материала по этим странам и отсутствие конкретной аргументации данного положения делает его позицию неубедительной. Время «феодального перелома» в Болгарии датируется серединой IX – серединой X вв., а в Сербии – X – XI вв. В Болгарии перелом сводится к поражению родовой знати и формированию сильного, могущественного боярства и принижению сводного люда до крепостных – париков. К этой же группе Рожков «отчасти» относит и балтийское славянство. Характеризуя процесс феодализации этого общества, Рожков отвергает ту точку зрения, согласно которой феодальные порядки пришли к балтийским славянам в результате германской колонизации их земель. Опираясь на исследования российских историков (Бречкевича, Егорова, Павинского, Фортинского), Рожков связывает феодализацию с внутренними процессами в западнославянском обществе (успехи земледелия, рост крупного землевладения, раздача князьями и церковью земли в условное владение, возвышение знати). Поскольку Рожков свое «отчасти» не поясняет, то можно допустить, что завершение процесса феодализации происходит уже в результате германского продвижения на Восток.

Незавершенность процесса феодализации на Руси, в Литве и южнославянских странах Рожков обнаруживает в землевладельческих отношениях, социальном и политическом развитии, а также в духовной культуре, которая в данном месте не рассматривается, за исключением двух сюжетов: религиозного и правового. Основания для этого дает и сам Рожков, который заявлял, что «в духовной культуре и психологии незаконченность феодальной революции не так заметна, как в области материальной культуры» [6, 443]. Экономической причиной отставания в темпах феодализации Рожков считал меньшие, чем в других культурах, успехи в распространении и технике земледелия, и большие, чем в других культурах, пережитки варварского хозяйства, проявляющиеся в занятиях охотой, рыболовством и скотоводством. Соответственно, наряду с новыми формами зем-

левладения, сохраняются старые вольнозахватные отношения к земле, не трансформировавшиеся в долевое владение. В результате не успевают утвердиться формы временного и условного землевладения. Не обостряется также борьба за землю между светскими и духовными магнатами, как это было во Франкском государстве. В этих странах не сложилась коммендация, возникла только ее зачаточная форма – закупничество. Рабы не слились с полусвободными в одну крепостную массу. В социальном отношении общество осталось слабо дифференцированным, сословия еще не образовались.

Ко второй группе стран, характеризующихся «полным завершением» процесса феодализации, по мнению Рожкова, принадлежат в первую очередь культуры европейского Запада – государства франков, англосаксов, остготов и лангобардов в Италии, вестготов в Испании. Складывание феодальных отношений в них происходит в ходе синтеза варварского общества с романизированным населением и его римскими традициями (католицизм, латинский язык, римское право и др.). Характеризуя феодализацию во Франкской державе, Рожков преимущественно основывается на трудах Фюстель де Куланжа, Вайца, Допша, Рота, М. Ковалевского. Быстрое развитие новых форм землевладения и землепользования Рожков объясняет высокой плотностью населения (галло-римляне + варвары) и влиянием прежних римских форм полной собственности на землю [6, 286]. Начало складывания феодальных отношений связывается с меровингскими земельными пожалованиями за службу. При господстве натурального хозяйства земля стала единственным средством расплаты за военную, административную и хозяйственную службу. Возникают и распространяются различные формы временного и условного владения (прекарий, бенефиций). Но крупное землевладение требовало рабочих рук. Рабы, посаженные на землю, превращались в полусвободных колонов и вольноотпущенников. В положении полусвободных, т. е. с ограниченной наследственной правоспособностью, оказывались и арендаторы из числа ранее свободных людей. Большое значение Рожков придает институту коммендации – акту передачи личности под защиту (патронат) более богатого и сильного, обладающего более высоким социальным статусом человека или представителя церкви. Всякий, кто получал бенефиций, поступал в коммендацию. Наряду с системой сеньор-вассал, сложившейся на основе земельных пожалований, Рожков считает важным показателем феодализации пожалование иммунитета (судебного и податного).

Франкское государство Рожков рассматривает как «средство организации феодальной системы, сущность образования которой сводится к тому, что крупные землевладельцы стали приобретать на своих землях государственные права, как одно из проявлений права земельной собственности». Давая это определение, историк отмечает: «мы видели это на примере бенефиции, коммендации и иммунитета» [6, 299]. Главной задачей государств было «закрепление политической властью, ее деятельностью новых приобретений земледельческого хозяйства и связанных с ним социальных перемен» [6, 302]. Что касается внешней (завоевательной) политики, то она зависит от конкуренции двух групп землевладельцев – светских и церковных. Эта конкуренция сказывалась и на внутренней политике государства, ею объясняется секуляризация при Карле Мартелле. Меровингские и каролингские монархи смотрели на государство как на свою вотчину: «субъектом власти являлось не общество, а личность, и целью государственного союза было не общественное, а личное господство» [6, 301].

Феодальная революция в Англии происходила с середины V в. до конца XI в., т. е. завершилась позже, чем во Франкской монархии. Англосаксонские королевства, как и Франкское государство, Рожков рассматривает в экономическом аспекте под углом зрения успехов земледелия и частного землевладения, в социальном – формирования служилой аристократии и изменения в соотношении свободного и несвободного населения, в поли-

тическом – складывания системы государственного управления (центрального и местного). При характеристике социально-экономических процессов в Англии и Италии Рожков основывается на работах Виноградова «Исследования по социальной истории Англии в средние века» и «Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии». Материалы по Вестготскому королевству даются в значительной мере по «Истории Испании и Португалии» Пискорского. Вслед за Пискорским, Рожков подчеркивает военный характер Вестготского государства. Но этот фактор происхождения феодализма, как для Вестготского, так и для Франкского государства (от Хлодвига до Карла Великого), Рожков недооценивает, сводя все к установлению господства земледелия и складыванию новых форм землевладения и земельной зависимости. Остается не проясненным вопрос о роли военноорганизуемого начала в генезисе феодальных отношений. Нельзя не заметить, что раннесредневековый крупный землевладелец – это прежде всего лицо, обязанное нести воинскую службу. Дружинники-воины превращаются в воинов-феодалов. Рожков отмечает раннее появление у вестготов коммендаций, а следовательно, упрочение системы феодальной зависимости. Характерным показателем феодализации он считает возникновение особого рода зависимых людей – буцеллариев («свободных, находящихся под патронатом»), получавших «хлебный паёк», т. е. пособие или ссуду хлебом. Их историк сближает с полусвободными русскими закупами. Полное слияние вестготов с романизированными кельтиберийцами Рожков, вслед за Пискорским, относит к началу VIII в.

Странам и народам Центральной Европы посвящены только краткие (в отдельных случаях сверхкраткие) очерки. Это можно объяснить и недостаточностью материала, на что неоднократно ссылается Рожков, и отсутствием у него времени и возможностей для основательной разработки всех отобранных сюжетов. Остановимся преимущественно на истории западных славян. Здесь Рожков выделяет три темы: феодальные революции в Польше (X – XIII вв.), Чехии (X – XIII вв.) и у балтийских славян (сер XI – XIII вв.). В Польше, полагает Рожков, уже в начале XIII в. имелись почти все зародыши феодализма. Было подорвано значение родовой аристократии, и была сведена на нет роль вече. Из землевладельцев стали выделяться два слоя – рядовая шляхта и знать. Церковные и светские землевладельцы получили иммунитеты. Особенностью становления феодальных порядков в Чехии Рожков считал длительное сохранение рабского труда в сельском хозяйстве, именно это обстоятельство способствовало развитию крупного землевладения. Развивалось и долевое землевладение свободных крестьян. В то же время наметилась тенденция в направлении образования крепостных отношений, уничтожения рабства и слияния всех разрядов сельского населения в однородную массу крепостного крестьянства. Рожков отмечает, что общего законодательного прикрепления к земле в Чехии не было. К проявлениям нарастания социальной дифференциации он относил так называемую «дань мира» деньгами или натурой, которую уплачивали за освобождение от военной службы. Военная служба становилась профессиональным занятием, переходящим по наследству.

Особый интерес представляют взгляды Рожкова на характер феодализации Византийской империи, начало которой он относит к VIII – IX вв. Византия как преемница античного общества, по его мнению, совершает «попятное движение» от дворянского самодержавия (его наиболее яркой фигурой был Юстиниан) к феодализму, который на этой территории уже существовал во времена классической Эллады. Арабские завоевания нанесли удар по восточносредиземноморским и ближневосточным торговым связям и привели к возрастанию роли земледелия и натурального хозяйства в экономической жизни. В результате идет, с одной стороны, развитие крупного землевладения (стратиотские имения – параллель западноевропейскому бенефицию), с другой стороны, расширяется крепостничество (колонат рассматривается как крепостничество). Было подор-

вано византийское самодержавие, и на первый план выдвинулась светская и духовная олигархия. В социально-политическом плане период феодальной революции в Византии был временем иконоборческих потрясений (726 – 842), закончившихся восстановлением иконопочитания, и насильственной смены императоров.

Хотя феодальная революция у арабов началась еще в III в. в Южной Аравии (Химьярское царство), по-настоящему феодальный переворот во всей Аравии совершен был Мухаммедом (Магометом), первыми халифами и Омейядами и закончился в середине X в. при Аббасидах. Экономической основой процесса феодализации и в самой Аравии и на землях, завоеванных арабами, стало, по Рожкову, увеличение относительного значения земледелия (распространение этого утверждения имеет ограниченное применение: заметим, что земледелие в Двуречье и в Египте имело древнейшие корни). Начало раздачи правоверным земли положил еще Мухаммед (Рожков проводит аналогию с мервингскими пожалованиями), и эти раздачи нарастали при халифах. Возникает условное земельное владение – икта, которую Р. сближает с бенефицием. Так сложилась новая арабская знать. Обратной стороной концентрации землевладения было обеднение массы поселян-земледельцев. Возникновение ислама и исламизация арабов и населения завоеванных территорий – важнейшая составляющая часть феодальной революции, подобно христианизации германских племен в Европе.

Интерпретация Н.А. Рожковым периода феодальной революции как всемирно-исторического явления уязвимо по ряду позиций. Рассмотрим из них только основные. Попытка охватить как можно больше стран (в общей сложности 30-ти) приводит к тому, что характеристики процессов внутреннего развития протекавших во многих странах даются поверхностно, фрагментарно, на основе узкого круга литературы. Например, раздел о феодальной революции в Армении основывается главным образом на обобщающей работе Халатьянца «Очерк истории Армении», а в Японии – исключительно на «Очерках истории Японии» Костылева. Но, заметим, историографическая база обобщающего труда Рожкова в целом, даже не беря отечественную историю, широка и охватывает не только российскую научную литературу, но и многочисленные работы на немецком, французском и английском языках.

Другим недостатком общего характера является, если так можно выразиться, стремление «выпрямить» историю, втиснуть ее в схему выбранной закономерности (выбранных закономерностей) общественного развития, что присуще всем без исключения схемам всемирной истории. При этом исторический процесс социологизируется, сводится к одному, единственному пути развития. А трактовка исторического процесса в рамках жесткой детерминации пути развития (модели) приводит, как известно, к выборочности обосновывающих фактов. В какой-то мере это осознал и сам Рожков. Не случайно во введении к «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» он, отвечая на упреки в схематичности, писал: «Конечно, научная модель или схема не вполне точно выражает действительные связи и отношения: мы слишком еще слабы знаниями и умом для полной точности. Но, чтобы к ней приблизиться хотя бы отчасти, возможно ближе, схема необходима» [6, 21].

Слабым местом модели феодальной революции является нерешенность вопроса о разных путях перехода к феодализму, которые нивелируются в модели феодальной революции. Переход к феодализму – в Западной Европе с дуалистичностью складывающегося общества (варвары + античность), в Византийской империи, которая при Юстиниане еще продолжала сохранять античный облик, в восточнославянском мире – не мог не идти разными путями и, соответственно, требует построения нескольких моделей. Экстраполяция исторического пути одной страны (одного крупного региона) на другие страны (регионы) всегда чревата концептуальными издержками и заблуждениями.

Нельзя признать удачной и терминологию: «критический период», «революцион-

ный период», «феодалная революции». В выборе научных терминов, видимо, сказалась революционная эпоха, в которую была вписана творческая жизнь историка. По существу-то в революционном периоде, который растягивается на долгие века, ничего особо революционного и не обнаруживается. Что-то вытесняется, отмирает, а что-то появляется, формируется, становится опорной конструкцией будущего общества. Более точным определением, на наш взгляд, может быть термин «переходный период».

Но что в модели феодальной революции, несмотря на все ее слабые места и недостатки, в свете современного исторического знания сохраняет научную значимость, так это необходимость выделения переходного периода от предшествующего стабильного состояния общества (родоплеменного или античного) к новому стабильному состоянию, в данном случае к феодализму. И нужно отметить, что в современной историографии, в частности в учебных курсах истории средних веков, такой переходный период выделяется. Его хронологические рамки для Западной Европы и Византии в принципе совпадают с хронологией периода феодальной революции у Рожкова. Речь идет о времени от реформ Диоклетиана и Константина в Римской империи до распада империи Карла Великого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дьяконов И.М. Пути истории. – М, 1994.
2. Кобищанов Ю.М. Теория большой феодальной формации. // Вопросы истории. – 1992, № 4–5.
3. Рожков Н. Дворянская революция в России XVII века. // Современный мир. 1913, № 2.
4. Рожков Н. Методика преподавания истории и история XIX века. – Пг., 1918.
5. Рожков Н. Основные законы развития общественных явлений. – М., 1907.
6. Рожков Н. Русская история в сравнительно-историческом освещении. 3-е изд. Т. 1. – Л. – М.: Книга. Б./ г.
7. Полюдье: всемирно-историческое явление / под ред. Ю.М. Кобищанова. – М., 2009.
8. Фроянов И.Я. Очерки социально-политической истории. – Л., 1980.